

СОДЕРЖАНИЕ

Несмеяна	9
Прививка	29
Человедица и медведица	43
Ега-б́иха и Родная речь	62
Домовая ледышка	93
Ега-б́иха и Пёле	115
Мальчики для Пёле	137
Её север	154
Матери и дети	164
Девочке скучно	180
Её космос	207
Адвокатка Бабы-яги	238

НЕСМЕЯНА

Многие хотели заставить меня улыбаться. Мои родители водили меня на детские спектакли, ёлки, в цирк. Я скучала. Моя первая учительница называла меня вишней, за постоянное нерадостное выражение лица. Я не понимала, чему радоваться. Дети и взрослые смеялись чаще всего от плохих шуток или над тем, что кто-то совершает ошибку и выглядит отчаянно. На улицах и в помещениях люди кричали, плакали, произносили матерные слова, иногда шипели. Друг другу, мне, дверям, стенам, животным, асфальту, пустому вертикальному пространству. Постепенно я приноровилась. Иногда улыбалась и смеялась со всеми и над тем, над чем было принято у остальных. В некоторых случаях мне

действительно было смешно. После любого смеха всегда становилось плохо, я назвала это смеховым похмельем.

Натянутая кожа, сокращённые мышцы, сквозняк на зубы и внутрь гортани — это улыбка. Натянутая кожа, сокращённые мышцы, сквозняк на зубы и внутрь гортани, обратный сквозняк со звуком из гортани — это смех. Всё это так ценят люди.

Потом я выросла. Родители очень хотели, чтобы я стала врачом, как они. Я не хотела. Я планировала отделиться от людей. Мечтала стать морским биологом. Животные для меня были ок. Хотела жить на ледяном острове далеко от всех. Среди тюленей и морских львов. На случай белого медведя я завела бы себе ружьё, для выстрела в воздух. Но меня заставили поступить на медицинский. Студенческое проживание было скучное, нелепое и бесполезное. Несмотря на то, что я почти не улыбалась, я несколько раз занялась сексом, у меня появились свои люди, меньше друзья, больше знакомые. Училась я ок, но мне не было интересно. Преподаватели чувствовали. Они мне нравились, умные люди.

На третий год в институте я в четвёртый раз в жизни пошла на вечеринку. На кухне её пересаживала. Пришёл человек, нашёл ножницы

в ящике хозяев, отрезал себе чёлку слева. Мы стали разговаривать. Я поделилась с ним сигаретой. Через два месяца мы поженились и я перестала учиться. Мы переехали в город мужа на севере. Моя родительская семья не расстроилась, решили, что замужество лучше для меня, чем образование. Муж мне только иногда нравился, но он привлёк обещанием увезти меня к северному морю. Я надеялась здесь на тюленей и морских львов. Специально не гуглила, не проверяла, загадала, думала, вдруг повезёт. И они там оказались — морские котики — ушастые и шерстяные. Но они боялись людей, никогда не приближались. Я их понимала. Заказала себе бинокль и наблюдала за тем, как далеко в море котики качают приглаженными головами, моргают глазами-пуговицами и катаются на льдинах. Муж спросил, собираюсь ли я высматривать его, когда он будет возвращаться из рейса. Я даже не подумала об этом.

Море зверело и звенело как битое стекло, между серыми сопками сидели низкие серые панельки. Мы жили на третьем этаже одной из них. Сопки были обиты сизо-зелёным мхом. В первую половину лета ночь не наступала. Небо плавало как кисельная жижа. Осенью, зимой, весной оно заливалось ядовито-зелёным неонам. На него приезжало смотреть много ту-

ристов, но людей даже тогда собиралось меньше, чем в обычный день моей прошлой жизни. Мне здесь нравилось.

Мужа я видела по графику: две недели через три, мне это тоже нравилось. Он работал на рыбо-ловецком судне. Когда он возвращался, я готовила ему мясо с овощами. Ему хотелось есть всё, что не рыба. Потом мы смотрели накопившиеся за его отсутствие сериалы. Потом занимались сексом. Дальше он спал, скроллил ленту, встречался с друзьями, курил, красил балкон, занимался со мной сексом, ходил в гараж. Муж сам как тюлень, просил внимания и еды, мне было не сложно две недели через три. Мне повезло, я не встречалась с его друзьями, мы обговорили ещё до свадьбы, что я, как он это называл, нелюдимая. И на радость, в приморском городе не жила его семья. Муж тут вырос, но его отец умер, а мать вышла замуж в соседнюю страну. За два-три дня до его рейса мы отправлялись на машине в гипермаркет за сто километров от нашего города. Покупали продукты и товары для дома. Для меня и для будущего. Я помогала мужу собираться в рейс. Готовила мясо с овощами. В ночь перед отплытием мы обязательно занимались сексом. Летом никакой ночи не было, мне нравилось глядеть на розовый кисель,

а муж просил закрывать шторы. Тут у всех шторы-шубы. Ими привыкли спасаться от холода и вечного дня.

Я быстро нашла работу с моим недообразованием. Стала сестрой в физиокабинете местной поликлиники. У меня была такая практика ещё на первом курсе. Три недели. Этого оказалось достаточно. В приморском городе пациентов ходило не много, но регулярно. Чаще всего лечили отиты и ангины. Реже ЖКТ, травмы и иногда мигрени. Мне нравился мой белый халат и красные шторы, отделяющие одну процедурную кабину от другой. В кварцевом люди сидели мальками, пойманными на светящиеся тубусы через ноздри или рот. Иногда до четырёх человек рядом. Это походило на ритуал. Я служила жрицей. Люди вели себя как в храме. Молчали, двигались тихо, не топали, шептали мне свои фамилии, не переговаривались, старались не глядеть друг другу в глаза, когда сидели рядом на кварце. Уважали меня и даже боялись, но не меня лично, а медицинско-техническую силу, которую я представляла. В кабинах с электрофорезом я накладывала лекарство на аппликатор, прикладывала к больному месту или равной коже пациента, устанавливала заряд, пускала ток. Мне нравилось, что для каждого ритуала

было своё пространство. Только кварцевые сидели иногда вместе, остальные лечились в отдельных тряпочных палатах, такого уровня комфорта пациенты других направлений медицины не могли добиться даже за деньги. Я чувствовала себя счастливой в работе. Ток урчал, журчал, гудел и ныл. Подогревал мою светлую печаль. Я знала, что физиопроцедуры вряд ли работают. Читала статьи на русском и английском ещё во время учёбы. Что они, как и заброшенный пионерский лагерь на окраине приморского города или памятник Ленину, — остатки прошлой жизни. Только лагерь не функционировал, в Ленина не верили, а вот электрофорез и кварц в моём кабинете работали и в них верили люди. Им помогало. Это было как магия. Это и было магией.

Пока пациенты находились внутри ритуала, я читала книгу, заполняла карточки на компьютере, иногда вязала. Я полюбила вязать на Севере. Сначала я захотела себе капор с затягивающимися завязками. Уши мёрзли, задувал ветер. Муж попросил сначала носки, потом свитер. Звенел будильник, я шла отключать пациента от ритуала. Мне нравилось на собственном мобильном заводить будильник для каждого номера кабины или номера каждого кварцевого тубуса.

В кабинет иногда приходила хирургиня. Худая, с широкой грудной клеткой, круглоли-

чая, гораздо выше меня, с жёлтыми скандинавскими волосами и водянистыми голубыми глазами. Она здоровалась и спрашивала, могу ли я. Если не было пациентов или до окончания ритуалов тех, кто сидел под током, оказывалось более семи минут, я брала телефон, и мы вместе шли курить на задник поликлиники. Хирургиня рассказывала мне про наше место работы, город, северное сияние, про себя делилась хвостиками историй. Она тут выросла. При северном сиянии нельзя было кричать, иначе оно убежит — так они верили в детстве. Во время сияния у многих были мигрени, как у моего мужа. У меня нет. У хирургини иногда. Она меня спросила, давно ли у меня депрессия, я отвечала, что у меня её нет и что люди в настоящей депрессии часто хохочут и улыбаются, неулыбчивость просто свойство моей личности. А шутки я понимаю, но не нахожу их смешными. Может, это печаль? — спросила она. Светлая печаль. Я подумала и согласилась. Светлая печаль мне нравилась. Не мерцающая, как сияние. А спокойная, как белая ночь.

Дома две недели через три тоже было не просто. Муж требовал всё больше внимания, соучастия, совместных эмоций. Он беспокоился, что я не улыбаюсь. Волновался, что не делает меня счастливой, я говорила, что счастье можно вы-

ражать по-разному. На седьмой месяц нашего брака он прекратил волноваться и стал меня обвинять в том, что я не рассказываю, почему я несчастна в браке с ним, хотя он так сильно старается. Я объясняла ему, что моя неулыбчивость — просто особенность моей личности. И смурность не означает, что я не счастливая. С ним. Так млять — убери эту особенность, сказал он, сделай мне приятное. Я сделала. Натянутая кожа, сокращённые мышцы, сквозняк на зубы и внутрь гортани. Но ощутила тёмную печаль.

В это же двухнеделье муж впервые заставил меня пойти с ним к его другу на день рождения. За уже пьяным столом именинник спросил, чего я такая мрачная. Муж принялся пальцами раскрывать мне рот в улыбке. И кричать — ты сука будешь улыбаться, будешь. Гости смеялись от страха или им правда было забавно. Мы вернулись домой и муж проплакал всю белую ночь, лёжа рядом со мной. Я лежала под общим с ним одеялом, не двигалась.

Муж ушёл в рейс, накануне я не помогала ему собираться, не занялась с ним сексом. Через пару дней я сняла однушку на пятом этаже в доме на первой линии. И утром перед работой перенесла туда вещи. Я забрала только одежду и свой

компьютер, все остальное, даже нажитое вместе, подаренное на свадьбу мне не сдалось.

Моя жизнь стала светлее. После работы я готовила себе ужин. Смотрела на море в окно. Вязала и смотрела одну сериалы. Иногда там были смешные шутки, я кивала. По утрам я начала бегать вдоль моря по земле. Раньше я тоже могла бегать, по крайней мере, в те недели, когда мужа не было дома, но начала именно сейчас. Далеко в море копошились плотные шерстяные тела морских котиков. Маленькие живые запятые. Они радовали меня, делали меня счастливой только потому, что жили. На бегу я весила как моя прозрачная печаль, полностью состояла из неё.

Про то, что я ушла от мужа, узнали все в городе. Про его попытку заставить меня смеяться на дне рождения тоже. Пациенты шептали мне особенно вежливо, ток струился особенно бережно, сёстры и врачи улыбались при встрече болезненно. Хирургиня, извергая дым из своего викингского рта, спрашивала, как я. Я говорила — отлично, в светлой печали. Она улыбалась, будто мы жили на юге.

Через три недели муж пришёл в поликлинику. Вломился в мой кабинет ледяным потоком. Стал